

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ТОРЕВТИКЕ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

В богатых курганах Северного Черноморья, относящихся к скифской эпохе, точнее к VII—III вв., найден ряд первоклассных предметов золотых и серебряных дел мастерства, которые давно привлекали всеобщее внимание. Речь идет, прежде всего, о чертомлыцкой вазе и вазах из кургана Солохи со сценами охоты и из Чмыревой могилы с изображением водяных птиц, о гребне из кургана Солохи, о горитах Солохи, Чертомлыка и Ильинцов, о налобнике Цимбалки, о чаше Чертомлыка. Все эти предметы изготовлены в греческом стиле с некоторой примесью не-греческих элементов в форме или в сюжете. Вместе с тем это предметы так называемого скифского «звериного» стиля, которому свойственна особая манера передачи звериных форм собственными, специфическими средствами и приемами стилизации и собственными условными схемами передачи движения. Речь идет о пластине в виде пантеры и палучье из Келермеса, о пластине в виде оленя из ст. Костромской и в виде птиц из Мельгунова, о ножнах из ст. Елизаветовской, налобниках и ножнах Солохи, о пластине с изображением оленя из Аксютинцев, мече и конских наносниках из Чертомлыка, фаларах с четырьмя головами животных и налобнике из Краснокутска, о пряжках-застежках с фигурами оленей из Александрополя и Воронежа и др.

Предметы этой группы ничем не связаны с греческим искусством. Обычно они называются скифскими, так как встречаются на территории Скифии на всем протяжении развития и существования скифской культуры, начиная от «классических» [форм (олень ст. Костромской) и кончая геометризованными формами в их разнообразных вариантах (конские уборы Краснокутска, Александрополя, Огуза и др.).

Эту вторую группу памятников я пока оставляю в стороне в надежде вернуться к ней в специальной работе, а настоящую статью посвящаю вопросу о памятниках первой группы.

Для предметов этой группы, большей частью серебряных, характерна прежде всего та высокая степень мастерства, которая в обычном представлении считается свойственной только произведениям греческого искусства. Кроме того, этим памятникам, насыщенным мотивами греческого орнамента, не чужды сюжеты греческой тематики. Больше того, по трактовке эти изображения часто не отличаются от памятников греческого искусства. Так, например, сходны между собой львиные головы — краны на Чертомлыцкой вазе и такой же формы водостоки на Парфеноне; палучья Ильинцов и Чертомлыка дали основания Б. В. Фармаковскому для сравнения их со скульптурами Пергама, Магнезии на Меандре и Эрехтейона; фигуры всадников на гребне и сосуде со сценами охоты из Солохи с точки зрения композиции и стиля напоминают фигуры всадников на панафинейской процессии фриза Парфенона или на стеле Декселея. Растительные мотивы на туловище вазы и чаши Чертомлыка и налобника Цимбалки близки рисункам на греческих вазах¹.

Однако перечисленные предметы золотых и серебряных дел мастерства все же нельзя назвать греческими в полном смысле слова. На всех этих предметах выступают особенности не только не-греческие, но даже противные греческим принципам в искус-

¹ OGV, табл. 110а — лекиф Ксенофанта, табл. 116 — керченская гидрия и т. п.

стве. Так, например, нельзя назвать греческой манеру передачи лица и рук женской фигуры на чертомлыцкой чаше (рис. 1); не вяжется с произведением греческого искусства сюжет главного, сильно подчеркнутого фриза чертомлыцкой вазы и использование протомы пегаса на фоне растительного орнамента на туловище вазы или сюжет главного фриза горита Солохи и знаменитого гребня. Наконец, как объяснить грубое и чисто механическое заполнение поверхности горитов Чертомлыцкого и Ильинецкого курганов элементами греческих сюжетов? Как объяснить тончайше исполненные фигуры птиц, рыб, ложчатый орнамент, овы, плющ, плетенку на таких сосудах, как двуручные сосуды Солохи и Чмыревой могилы, которые имеют форму, чуждую греческой ангажологии?

Рис. 1. Серебряная чаша из Чертомлыцкого кургана; деталь

Впрочем, все перечисленные предметы, кроме чертомлыцкой чаши, вообще чужды греческому обиходу: немислимо применение в греческом быту чертомлыцкой вазы¹, нам неизвестно также употребление греками ни горитов, ни гребней, подобных гребню Солохи, ни, тем более, налобников конских уборов.

Объяснение этих памятников, на наш взгляд, может дать рассмотрение обстановки той специфической среды, которая могла создавать и употреблять подобного рода предметы. Что это за среда — покажет анализ самих памятников.

Б. В. Фармаковский, как и все прочие исследователи, считал перечисленные выше шедевры тюретники из Северного Черноморья безусловно произведениями греков обивки горитов Чертомлыка и Ильинцов, по его мнению, изготовлены были в Милете при посредстве Ольвии, как и большая часть золотых и серебряных предметов из курганов Северного Черноморья. Он несколько раз подчеркивал авторство художника-эллинина, так как «все его идеи и чувства эллинские»².

Исходя из этой концепции, Фармаковский считал, что заказ был дан в Ольвии и выполнен в Милете. Но при этом следует учесть, что горит, но широко распространен-

¹ Кроме, может быть, условий обстановки храма; однако этому противоречит главный сюжет.

² Б. В. Фармаковский, Золотые обивки наилучей из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов, «Сборник в честь Бобринского». П., 1911, стр. 54, 69, 70.

ному мнению (в том числе и самого Б. В. Фармаковского), является специфическим оружием варваров, обитавших на юге России. Очевидно, остается предположить, что художник, милетский грек, побывав в Ольвии и ознакомившись со скифским вооружением, вернулся домой в Милет, где и сделал горит. Мальмберг¹ и Шварц² считали центром производства этих ювелирных изделий Кизик. С другой стороны, И. И. Толстой определяет ножны Куль-обы, как изделия скифского мастера³, так как

Рис. 2. Серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана. Лицевая сторона.
Выс. 70 см

Рис. 3. Серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана. Боковая сторона

в имени ΠΟΡΝΑΧΟ им усматривается имя их автора, родственное имени Фарнак, которое с нашей точки зрения является не чем иным, как диалектической разновидностью имени ΦΑΡΝΑΚΟ и, скорее всего, является именем владельца, как ΛΥΚΟ в Солохе, ΔΑΔΑΕΜΕ в Башовой могиле и ΣΚΥΘΟΛΟΚΟ в Арабаджийской могиле в Болгарии. И ту и другую точку зрения поддерживает ряд авторов, между которыми нет также полного единства в деталях.

Обилие точек зрения указывает, очевидно, на трудность вопроса.

Один из самых ярких памятников первой группы, давно известный науке,— чертомлыцкая ваза. Обратимся к ее анализу (рис. 2).

В качестве аналогий форме чертомлыцкой вазы можно привести глиняные амфоры:

¹ А. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг, Курган Карагодеуашх, МАР, 13 (1894), стр. 172.

² А. Н. Шварц, К истории древнегреческих рельефов на золотых вещах, найденных в южной России, «Древности. Труды МАР», XV, стр. 23.

³ И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности, II, Спб., 1889, стр. 148.

две, найденные в Солохе ¹ и две в Киевской области: одна в IV Рыжановском кургане ², датированном IV—III вв. до н. э.; вторая амфора была найдена вместе с кнемидами в Ильинецком кургане (№ 493)³.

Кроме того, подобной формы амфоры изображены и на монетах. Как известно, города с широко развитым производством вина на своих монетах имели эмблемой амфору той формы, какую имели амфоры, служившие тарой для экспортировавшегося из данного города вина. Наиболее известные примеры — монеты Родоса, Хиоса, Тероны. На серебряной монете Тероны изображена амфора наиболее близкой к чертомлыцкой вазе формы — с характерным широким туловищем, узким, коротким горлом и резко профилированным острым венчиком (рис. 4). Очевидно, Терона воспроизво-

Рис. 4. Серебряная монета г. Тероны. Увеличена

Рис. 5. Неизвестная македонская монета (Терона? Ферма?). Серебро. Увеличена

дила на своих монетах форму амфоры местного производства. Керамическое производство на Халкидике было широко развито; раскопки в Олинфе дали массу сосудов одинаковых форм (канфары, солонки, лекифы, тарелки, кувшины, котилы, одноручные чаши и т. д.⁴).

По сообщению Фукидида, во время осады Тероны в 424 г. Брасидом жители города вместе с афинским гарнизоном укрылись в укреплении, называвшемся Лекифом, и, чтобы отразить готовившуюся атаку, снесли на башню множество пифосов и амфор с водой (Thuc., IV, 115). Подобной формы амфора изображена и на неизвестной серебряной македонской монете, которую одни исследователи относят также к Тероне, а другие к Ферме (рис. 5). Обе приведенные монеты относятся ко времени не позднее 480 г., но все же, несмотря на их более раннюю дату, я считаю возможным сравнивать их с чертомлыцкой вазой и амфорами Солохи, Ильинцов и Рыжановки. Относимыми большинством исследователей к концу V или началу IV в., так как форма амфоры если и могла на протяжении одного столетия испытать изменения, то основные признаки, присущие только амфорам данного типа, она должна была сохранить.

Как чертомлыцкая ваза, так и все приведенные аналогии характеризуются широким, округлым туловищем, насаженным на короткую ножку, и узкой шейкой с массивным острым венчиком. Большую, главную часть поверхности вазы, ее туловище, занимает растительный орнамент в виде системы пальмет, характерный для типичных произведений греческого искусства; однако отличие орнамента чертомлыцкой

¹ А. Манцевич, Амфоры кургана Солоха, «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1947, рис. 1, стр. 3.

² Смела, II, рис. 18, стр. 139.

³ Н. М. Печенкин, Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг., 1908, стр. 141. Гос. Эрмитаж, шв. Дн 1932 72/14.

⁴ Опубликованы в кн: Robinson, Excavations at Olynthus, V, London, 1933, табл. 140—141, 148—149, 155—159, 163—166, 176, 178—180, 183—186.

вазы состоит в том, что его монотонность, обычная для орнамента краснофигурных ваз, оживлена изображениями птиц.

Подобным же образом оживлен фигурами жещици и птиц растительный орнамент на золотом женском головном уборе из Куль-обы¹, фигурами птиц — на золотом браслете из Темир-горы (рис. 6) и фигурами гиппокампа, птиц, кузнечиков, цакады и пчелы — на золотых полосах от головных уборов также из Чертомлыцкого кургана (северо-восточная и юго-восточная камеры) (рис. 7)².

Хотя сопоставленные предметы торевтики и различны по технике исполнения, однако они объединены общей чертой: критическим отношением мастера к использованию греческого орнамента и стремлением его нарушить однообразие этого орнамента фигурами живых существ. Эту же особенность имеет и мраморный акротерий Лувра из Аполлонии (в Эпире) с изображением пальметки, к которой быстро движутся две женские фигуры, опирающиеся на волноты (OGV, табл. 132).

Рис. 6. Развернутый рисунок орнамента из филигранны на конце браслета из Темир-Горы. С рис. С. П. Светлицкого. Золото. Увеличен вдвое

Более видное место на поверхности чертомлыцкой вазы занимает сюжет грифонов, терзающих оленя. Трактовку этой композиции можно было бы признать греческой, если бы не кровожадный характер этих грифонов, противоположный мирному характеру, присущему греческим грифонам. Этот сюжет, как и растительный орнамент на туловище, выполнен гравировкой на ровной поверхности по одной стороне вазы и на слегка приподнятой чеканом поверхности на противоположной стороне. На нем я останавливаться не буду, так как в мою задачу не входит исчерпывающее исследование предмета. Замечу лишь мимоходом, что он встречается, кроме предметов торевтики Северного Причерноморья (например, браслеты Куль-обы, бляшки Куль-обы и Чертомлыка, ножны мечей Чертомлыка и Метрополитанского музея) также в мозаике пола дома AVI-3 в Олинфе³, причем стиль мозаики и стиль композиции на Чертомлыцкой вазе чрезвычайно близки.

Совершенно особое место занимает опоясывающая вазу ниже плеч композиция из восьми человеческих фигур и семи фигур лошадей, выполненная в чеканной технике круглой скульптуры, причем каждая фигура в отдельности приклепана, а не припаяна, как обычно считалось, и затем позолочена холодным способом, так что заклепки почти незаметны. В центре композиции фигура коня, обращенного влево, припавшего головой к передней ноге. По обе стороны от него расположены в одинаковой последовательности и в равном количестве человеческие и конские фигуры, однако не симметричные, за исключением последней пары пасущихся коней, представляющих зеркальное повторение. Сама техника выполнения этого сюжета подчеркивает его

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, цит. соч., II, рис. 70, стр. 89.

² ДГС, II, табл. 40, 23; 36, 5; 36, 8; 36, 6; 36, 7; Инв. №№ Гос. Эрмитажа: Дв 1863 1/217, 227, 320, 321, 347.

³ Robinson, Excav. at Olynthus, V, табл. III.

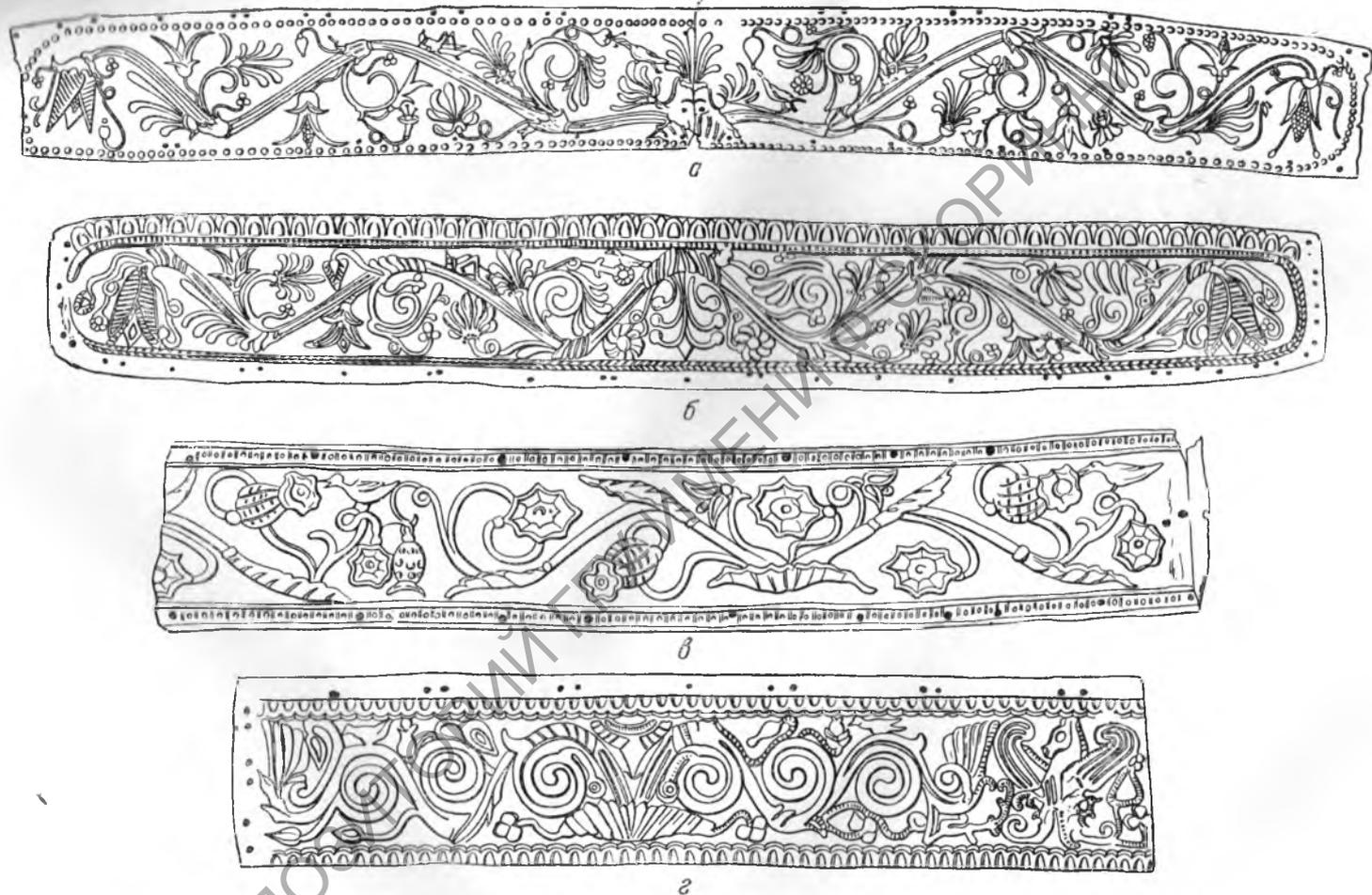

Рис. 7. Части золотых головных уборов из Чертомлыцкого кургана: а, б — северо-восточная камера; в, г — юго-восточная камера (а, б, г — уменьшено; в — натуральная величина)

главную роль среди других изображений вазы, не говоря о месте, которое он занимает.

Изображенные на фризе мужские фигуры, бородатые и безбородые, одеты в шаровары из тонкой мягкой материи и кафтаны с оторочкой, с длинными полами спереди, с короткими, чуть ниже плеч, рукавами, продолжением которых служат тонкие рукава надетой, очевидно, под кафтаном рубахи. Костюм людей, занимающихся уходом за лошадьми и их дрессировкой, характеризует не греков, а «варваров» и соответствует, как известно, костюму, изображенному на серебряной вазе Третьего кургана из группы Частых близ Воронежа¹, на электроном сосуде из Куль-обы

Рис. 8. Серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана. Детали рельефного фриза

и на серебряном двуручном сосуде со сценами охоты из кургана Солоха (для краткости я оставляю в стороне шейный обруч с протомами всадников и бляшки Куль-обы, а также горит Солохи, которые входят в этот же круг художественных изделий). Сходство костюма и прически у человеческих фигур на всех этих памятниках послужило причиной для определения этих изображений как изображений скифов, при этом, кочевников, которых воспроизвели в Пантикапее греческие мастера-торевты.

Затруднения вызвала сцена охоты на львов, изображение которой скифы, не имея представления о львах, не могли заказать. Ввиду отсутствия у меня возможности дать

¹ С. Н. З а м я т н и н, Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем, СА, VIII (1946), рис. 13, стр. 27.

Рис. 9. Серебряная монета оррескиев. Увеличена

Рис. 10. Серебряная монета бизальтов. Увеличена

Рис. 11. Серебряные монеты г. Пих. Увеличены

Рис. 12. Серебряная монета фракийско-македонского династа Деметрия. Увеличена

Рис. 13. Серебряная монета Сермиллии. Увеличена

Рис. 14. Серебряные монеты Олинфа. Увеличены

Рис. 15. Серебряные монеты македонских царей. Увеличены.

№ 1 — 9 — монеты Александра I (498—454), № 10 — 12 — монеты Пердикки II (454—413)

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

№ № 13-18 — монеты Архелая I (413-399), № 19 — монета Авропа (396-392), № 20 — монета Аминты II (392-390), № № 21-22 — монеты Павсаня (390-389), № 23 — монета Аминты II (390-389), № 24 — монета Александра II (669-368), № 25 — монета Александра III (336-323), № 26 — монета Пердикки III (364-359)

анализ всех изображений на чертомлыцкой амфоре, я остановлюсь только на изображениях коней фриза (рис. 8).

Серебряные монеты, обильно чеканившиеся во Фракии, Македонии и Фессалии, своей эмблемой часто имеют голову или фигуру коня или человека, сдерживающего лошадь, или, иногда; всадника. Такие монеты сохранились от неизвестного по литературным источникам фракийского племени оррескиев («живущие в горах») конца VI или начала V в., сделавшегося известным только благодаря своим серебряным монетам. Неизвестна и точная локализация этого народа (рис. 9).

К тому же времени относятся монеты фракийско-македонского племени бизальтов, обитавших севернее Халкидики между озером Больбой и Стримоном; они имеют эмблемой коня, которого ведет человек с двумя копытами (рис. 10). Около 480 г. эта область, включавшая богатые серебром рудники, была присоединена царем Македонии Александром I к его владениям. Ихны, главный город племени боттизев, также в начале V в. употреблял монеты с изображениями скачущего коня, сдерживаемого воином (рис. 11). На монетах македоно-фракийского двнаста середины V в. Деметрия также изображается лошадь, идущая вправо (рис. 12).

Эта же монетная эмблема свойственна и монетам некоторых городов Халкидики, например, монетам Сермилии (восточнее Олинфа), относящимся к 500-м гг. (рис. 13) и монетам Олинфа 432—420 гг. (рис. 14). Особенно же распространены эмблемы с конем в Македонии, где десять царей, начиная с Александра I (498—454) и кончая Александром III (336—326), чеканят монеты, почти все серебряные, с изображением фигуры коня (рис. 15). На медных монетах, чеканившихся в период 187—168 гг. на монетном дворе в Фессалониках и, вероятно, в Амфиполе, также фигурирует эмблема в виде скачущего вправо коня. Наконец, медь Фессалоник (б. Фермы) дает тот же сюжет в период 187—40 гг. Итак, мы видим, что монеты с эмблемой коня чеканятся на территории Македонии на протяжении пяти столетий.

Особенный интерес для нас представляют также серебряные монеты фессалийского города Лариссы, где эта эмблема, появляющаяся до 500 г. до н. э., особенно устойчива. На них имеются изображения лошадей, наиболее близкие чертомлыцкой вазе (рис. 8). Скачущая лошадь изображается на этих монетах на протяжении всего V в. (рис. 16). Пасущаяся лошадь характерна для монет первой половины IV в. (рис. 17). Наиболее близкое совпадение с чертомлыцкой вазой дают монеты 361—353 гг. и 353—344 гг., на которых совпадает и расположение ног лошади (рис. 18). Наконец, лошадь с повернутой назад головой, подобная изображенной на вазе, имеется также на монете 361—353 гг. (рис. 19).

Почти буквальное повторение изображений на вазе дают последние три типа приведенных монет, причем все они относятся к одному периоду чеканки: 361—353 гг.¹

Обилие выпусков серебра в Македонии и Фракии вполне естественно, так как эти области были настолько известны своими рудниками, что снабжали драгоценными металлами даже Грецию.

Нумизматическим данным соответствуют и исторические сведения об этих областях. Еще в гомеровских поэмах (Ном., II, XIII, 4; XIV, 227) эпитетом фракийцев служит термин *ἵππολοι*, означающий одновременно и «ухаживающий за конем» и «всадник». Следы культа коня, который, по мнению акад. Державина² был тотемом фракийцев, можно видеть в многочисленных изображениях героя-всадника на памятниках изобразительного искусства, встречающихся на территории Фракии. Совершенно очевидно, что у племен южной и западной Фракии, в Македонии и в Фессалии коневодство было чрезвычайно развито; об этом свидетельствует также белый

¹ Как известно, мотив пасущейся лошади имеется и на тетрадрахмах Пантикапея, которые А. Н. Зограф («Античные монеты» — рукопись) определяет последней четвертью III в., сопоставляя их выпуск с выпуском тетрадрахм Херсонеса Таврического, Византия и Калхедона. Мне кажется, однако, что это сравнение по хронологическим соображениям отпадает.

² Н. С. Державин, История Болгарии, I, М.—Л., 1945, стр. 53.

Рис. 16. Серебряные монеты Лариссы (Фессалия) с эмблемой бегущего коня. Увеличены. № 1—9 — с 479 г. до конца V в., № 10 — 420—395 гг.

Рис. 17. Серебряные монеты Лариссы с эмблемой пасущегося коня. № 1—3—395—370 гг.; № 4—6 — конь вправо, № 7—8— конь влево — 370—363 гг.; № 9—361—353 гг.

Рис. 18. Серебряные монеты Лариссы с эмблемой пасущегося коня. № 1—361—353 гг.; № 2—353—344 гг.

Рис. 19. Серебряная монета Лариссы с эмблемой идущего коня. 361—353 гг.

конь, подаренный одним из знатных фракийцев Севту во время пира, и сообщение Ксенофонта, что одрисы после похорон пировали и устраивали конские состязания. Ксенофонт в его трактате «О коннице» (VIII, 6) дает высокую оценку лошадям одрисов. По Фукидиду (II, 98) в 150-тысячной армии Ситалка во время его похода против Македонии в 429 г. было около 50 тысяч конницы, состоявшей главным образом из одрисов. Во время военных операций афинян на Халкидике в их армии было около 600 конных воинов-македонян под предводительством Пердикки и Павсания (Thuc., I, 61). Превосходные дуга Фессалии способствовали разведению там прославленных в древности конских табунов, из которых составлялась известная фессалийская конница. Согласно Геродоту (VII, 196), Ксеркс, придя в Фессалию, устроил состязания между своей и фессалийской конницей, которую он хотел испытать, так как слышал, что она у греков самая лучшая. Вполне естественно поэтому, что Фессалия считалась родиной Хирона и всех кентавров вообще.

Воинственные охотники — крупные землевладельцы — составляли в Фессалии господствующий класс: им были подчинены зависимые земледельцы — пенесты. Аристократические роды властвовали в небольших городах-государствах: Лариссе, Кранноне, Фарсале, Ферах; каждый из них был самостоятельным политическим центром. Только в случае войны выбирался общий военачальник, или таг, который впоследствии стал наследственным начальником овладевшего Лариссой рода Алевадов. Влияние Алевадов распространилось затем на всю Фессалию, которая по их инициативе стала на сторону персов¹. Фессалийская аристократия была чужда общегреческой культуре. Если еще в эпоху Пелопоннесской войны жители Этолии говорили на совершенно непонятном для мессенян языке и употребляли в пищу сырое мясо (Thuc., III, 94), то фессалийцы отличались от греков еще более.

Еще дальше от греческой культуры была Македония, не говоря уже о Фракии. Демосфен прямо называл македонян варварами. Варварами их называл и Брасид в 423 г. во время похода его с Пердиккой против диккетов (Thuc., IV, 126). Хотя Александр в обращении к персам и называет своего отца эллином, наместником в Македонии (Нег., V, 20), а на олимпийских состязаниях, чтобы не быть исключенным из них, объявил себя аргосцем (Нег., V, 22), однако македоняне вместе с фракийцами были в армии Ксеркса, причем первые были выставлены против афинян (Нег., VII, 185; IX, 31).

Древнейшая история Македонии темна, известно только, что население ее было смешанное из фракийских (пэоны, бриги, пиэрии, боттиэи, эдоны) и иллирийских племен, к которым в южных равнинах и на побережье присоединялись эллины (Thuc., III, 94). Во времена Геродота в Крестонии еще жили целасги, которым приписывается строительство Эдессы и Пеллы. Пиэрийские фракийцы у Олимпа и берегов Гелланиона, возможно, тоже принадлежали к целасгам.

Надо полагать, что общественный строй Македонии до времен Аминты I мало отличался от общественного строя Фессалии, а во Фракии этот строй удерживался еще дольше, быть может, вплоть до римского завоевания.

Курганы Македонии — то места поселений, то погребальные сооружения — сопоставляются, с одной стороны, с фессалийскими, с другой стороны, с фракийскими на территории нынешней Болгарии. Археологические памятники, таким образом, свидетельствуют об автохтонности населения Македонии и близости его культуры к культуре районов Дунайского бассейна. Больше того: акад. Н. С. Державин, использовавший огромную специальную литературу, приходит к выводу, что «История материальной культуры... населения Дунайско-Днепровского района, охватывавшего на востоке область Приднепровья, на западе Румынию и Венгрию, на юге весь Балканский полуостров... начиная со времен неолита... до сложения у славян первых государственных образований... в VII в. — с несомненностью — вскрывает наличие

¹ Некоторые социально-экономические вопросы истории Фессалии освещены в работе Р. В. Шмидт, Из истории Фессалии, ИГАИМК, вып. 101 (1934), стр. 75—115.

исконной общности и протоосновы культурного развития населения этого района¹. т. е., короче говоря,— единства автохтонной культуры. Раскопки Гертли показали, что в эпоху неолита вся северная часть Балканского полуострова была тесно связана с бассейном Дуная. Культура эпохи бронзы, по мнению Гертли, отсутствующая в центральной Фракии, ограничивается долиной Вардара (Аксия), равнинами Македонии на восток от Стримона и на юге до Фермейского залива и имеет общие черты с культурой эпохи бронзы в Венгрии. Культура эпохи железа имеет много общего с культурой левобережья Дуная и Поднепровья в технике и формах лепной керамики, для которых характерны высокие ручки и лощеная поверхность² или ручки в виде выступов и углубления снаружи, заклепанные изнутри вдоль венчика³, наподобие больших журавских сосудов из курганов 406 и 407, раскопанных Бобринским⁴. Эта культура представлена рядом поселений в долине Неста и Стримона и некрополем Чаучицы (погребения в каменных ящиках с керамикой, железным оружием и золотыми украшениями). Согласно Кассону и Гертли, культура эпохи железа на севере Балканского полуострова корнями своими связана с Дунайским бассейном, и история культуры Македонии составляет неотъемлемую часть в развитии культуры нижнего Дуная⁵.

Соседство Македонии и Фракии с Грецией, союзы или столкновения с ней в политической жизни, стремление греков обосноваться не только на побережье, но и проникнуть в глубь этих богатых областей, рано сказались на характере культуры и Македонии и Фракии⁶. Соприкосновение с Грецией отразилось главным образом на внешней стороне культуры этих не-греческих государственных образований — в памятниках искусства, греческих надписях на монетах. Внутренняя сущность этих государств оставалась с точки зрения эллина безусловно «варварской».

Обратясь к истории, мы увидим, что уже в течение VII и VI вв. сформировалось македонское государство, и во время Аминты I (540—498) оно простиралось до Олимпа на юге, до бассейна Стримона на востоке и до Антемунта на Халкидике.

При помощи персов, покорявших фракийские племена, сын Аминты, Александр I (498—454), подчинил себе горные племена элимийцев и линкестов на западе Македонии. В то же время он — проксен афинян и посол Мардония в Афины. Стронник греческой культуры, он способствовал проникновению ее в Македонию, сам участвовал в олимпийских играх; после разрушения Микен аргосцами микенские изгнанники нашли себе приют у Александра. При его дворе жил Пиндар. Александр был очень богат, так как рудники у озера Керкинитиды (Праснас) на Стримоне давали ему ежедневно талант серебра. Среди роскошных приношений в святилищах Олимпии и Дельф стоял и его золотой портрет (Н е г., VIII, 121).

В начале легенды об аргосском происхождении македонских царей, сообщаемой Геродотом (VIII, 137), Бешевлиев усматривает следы древнего предания о происхождении их из Иллирии. Во всяком случае, в словах Александра во время посольства Мардония в Афины противопоставлением греков македониям свидетельствуется

¹ Н. С. Державин, ук. соч., I, стр. 46.

² W. Neurtley, Prehistoric Macedonia, Cambridge, 1939, табл. XXII, №№ 476, 477 (из Чаучицы в долине Аксия); стр. 236, №№ 486 и 487 (близ озера Саратсе у Фессалоник); табл. XXIII, №№ 499 и 500 (из Олинфа).

³ Там же, рис. 45 h, стр. 171 и рис. 206, стр. 175 (Халкидика, недалеко от Олинфа).

⁴ ИАК, 14, стр. 32 (курган 406) и стр. 33 (курган 407).

⁵ А. С. Ш о ф м а н, Древняя Македония в археологических работах, ВДИ, 1946, № 3, стр. 240 сл.

⁶ Впрочем, первыми иноземцами в золотосных областях южной Фракии были финикийцы: Геродот видел следы золотых разработок на Фасосе и на материке против Фасоса. Они же установили в этих областях свой золотой стандарт. Не исключена возможность влияния финикийцев и на изобразительное искусство Фракии этих районов (например, серебряный ритон и зеркало из Келермесского кургана). Походы персов также оставили свои следы в культуре фракийцев.

не-греческое происхождение последних. То же подчеркивается и в словах посла Спары, что у «варваров нет ни верности, ни правды», причем под варваром подразумевался Александр (Н е г., VIII, 141—142)¹.

Приведенные выше черты биографии Александра показывают, насколько сильно проглядывал «варвар» через налет эллинской культуры. От царей и знати Македонии, повидимому, мало отличалась и фракийская знать.

Рис. 20. Серебряный сосуд со сценами охоты из кургана Солоха. Диам. 19 см

Если мы теперь обратимся к серебряному сосуду со сценами охоты на львов (рис. 20), то совпадение изображений скачущих всадников в «скифском» костюме и льва на сосуде из Солохи и на серебряных монетах македонских царей Пердикки II

Рис. 21. Серебряные монеты Пердикки II. Увеличены

(рис. 21), Архелая (рис. 22), Аминты III и династа Пэонии Ликкея (рис. 23), получит надлежащее объяснение. В этот же художественный круг входит и совпадающий по форме с сосудом Солохи сосуд Чмыревой могилы (рис. 24) и серебряный шарообраз-

¹ «Изв. Болг. Арх. Друж.», XI-XII, стр. 347.

Рис. 22. Серебряная монета Архелая I. Увеличена

Рис. 23. Серебряная монета Ликкея. Увеличена

Рис. 24. Серебряный сосуд из Чмыревой могилы. Диамет. 14 см.
Местонахождение неизвестно. Общий вид и деталь дна

ный сосуд Куль-обы с изображением птиц (рис. 25), у которого на доньшке тот же растительный мотив, что на сосудах Чмыревой могилы и Солохи (рис. 26).

Понятной станет и сцена битвы между двумя группами варваров, изображенных на серебряной оболочке горита из Солохи (рис. 27), который является как бы иллюстрацией одной из схваток между македонянами и фракийцами или между отдельными

Рис. 25. Серебряный сосуд из кургана Куль-Оба. Около натуральной величины. Общий вид и деталь дна.

фракийскими племенами, схваток, которыми была богата история Македонии и Фракии, особенно на протяжении с конца V и первой половины IV вв. Изображение горита, как эмблемы, на монетах Филиппа II (359—336) (где она едва ли появляется впервые) (рис. 28) и Александра III (336—323) (рис. 29) свидетельствует, что горит не является специфическим вооружением скифов северного Черноморья.

Для истолкования сюжета охоты на льва на сосуде из Солохи (рис. 26) особенно интересна серебряная монета Аминты III, где на одной стороне изображен всадник, поражающий копьём невидимого врага, и на другой, как на сосуде из Солохи, — лев с копьём в зубах; очевидно, оба сюжета составляют одну сцену охоты на льва (рис. 30).

Изображение льва, как было отмечено, встречается также на серебряных монетах династа Пэонии Ликкея (рис. 23).

Сюжет охоты на львов получит реальное истолкование, если учесть сведения Геродота (VII, 124—126), что львы водились на пространстве между Нестом и

Рис. 26. Серебряный сосуд со сценами охоты из кургана Солоха. Деталь дна.

Рис. 28. Медная монета Филиппа II. Увеличена.

Рис. 29. Медные монеты Александра III. Увеличены.

Ахелоем, и что при переходе войска Ксеркса через Халкидику из Аканфа в Терму, т. е. через области пэонов и крестонян, на верблюдов, навьюченных съестными припасами, нападали львы. По его словам, «в этих местах водится много львов и диких быков, огромные рога которых ввозятся к эллинам». Ксенофонт в его труде «Об охоте» (XI, 1) также говорит, что «львы, леопарды, рыси, пантеры, медведи и подобные звери ловятся в чужих странах — на Пангейской горе и на Киссе, что за Македонией». Следовательно, и сюжет льва, терзающего быка, на серии серебряных монет Аканфа, господствующий там с конца XI в. до 380 г. (рис. 31), вполне реален и является иллюстрацией сведений Геродота и Ксенофонта.

Что касается одежды и обуви варваров, изображенных на предметах из серебра и золота, найденных в богатых скифских курганах, то они соответствуют одежде и обуви фракийцев, которые, по словам Погодина, носили широкие штаны и подпоясанные

Рис. 27. Оболочка горна из кургана Солоха. С рис. М. В. Фармаковского. Серебро. Длина 44 см

Рис. 30. Серебряная монета Аминты III. Увеличена.

Рис. 31. Серебряные монеты Аканфа. Naturalная величина. №№ 1—6— ранее 480 г., №№ 7—16— позже 480 г.

рубашки и плащи, застегнутые пряжками на плечах¹; акад. Державин считает, однако, последние принадлежностью лишь некоторых племен и районов (ук. соч., стр. 54). По словам акад. Державина, обувь фракийцев составляли кожаные сапоги, называемые греками *ἐμβάζες*.

На большинстве приведенных в качестве аналогий монет Фракии и Македонии плащи также отсутствуют, как и на предметах торевтики, упомянутых выше, следовательно, костюм, который мы видим на варварах, изображенных на предметах торевтики и на монетах, также не препятствует тому, чтобы в этих случаях видеть в них македонян или фракийцев. Этот же костюм изображается на каменных статуях скифов в Северном Черноморье². Каменные статуи, будучи памятниками безусловно авто-

Рис. 32. Деревянный сосуд из Мордвиновского кургана. Диамет. 9 см

Рис. 33. Глиняный сосуд из кургана у ст. Марьинской. Выс. 8,5 см

хтонными, подтверждают бытование костюма, аналогичного фракийскому, и у скифского населения Северного Черноморья.

Форма сосуда со сценами охоты, кроме сосудов Чмырева, представлена еще двумя серебряными сосудами в том же комплексе Солохи³ и деревянным сосудом из Мордвиновского кургана (рис. 32)⁴. В кургане станицы Марьинской имеется такой же глиняный сосуд (рис. 33)⁵. Кроме того, многочисленные золотые и серебряные оболочки краев и ручек подобной формы деревянных сосудов свидетельствуют о широком распространении этой формы в Причерноморье (рис. 34); она стоит в тесной связи с шарообразной формой сосуда-кубка: как отмечалось выше, орнамент на дне сосуда из Куль-обы (рис. 25) — тот же, что на двуручных сосудах Чмыревой могилы (рис. 24) и из Солохи (рис. 26); все это свидетельствует об их общем происхождении и сосуществовании на территории Скифии. Серебряные и бронзовые сосуды очень близкой формы встречены и в курганах Болгарии: серебряные — в Радювене⁶ и в Арабаджийской могиле близ Дуванлий⁷.

¹ А. Л. Погодин, К вопросу о фракийцах, «Сборник статей по археологии и этнографии», Спб., 1902, стр. 149.

² Ср. стацию Краснодарского музея: А. А. Миллер, Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом, ИГАИМК, IV, табл. II, рис. 7—9; А. П. Мандевич, О скифских поясах, СА, VII, (1941) рис. 4, стр. 21.

³ ОАК за 1913—1915 гг., рис. 191—192, стр. 120.

⁴ Н. Е. Макаренко, Первый Мордвиновский курган, «Гермес», 1916, № 11 12, стр. 272.

⁵ ОАК, 1912, стр. 53, Гос. Эрмитаж, инв. № Ку 1912 3/50.

⁶ «Изв. Болг. Арх. Друж.», III (1912—1913), рис. 267, стр. 333; там же, VI, рис. 31, стр. 34.

⁷ «Изв. Болг. Арх. института», VII (1932—1933), рис. 46, стр. 261.

бронзовый (также близ Дуванлий)¹ аналогичный найденному в Бобрине Каневского района («Смела», III, табл. XX, 7).

И шарообразный и двуручный сосуды своей формой теснейшим образом связаны с обиходом местной среды Причерноморья, особенно Северного, где имеются многочисленные образцы лощеных шарообразных кубков с инкрустацией и без нее. Семь

Рис. 34. Оболочки ручек деревянных сосудов. Naturalная величина

№ 1 — из Ак-Мечети. Золото; № 2 — из кургана I в группе «Частых» близ Воронежа. Золото.
 № 3 — из кургана II в группе «Частых». Серебро. № 4 — из кургана Александрополя. Золото.
 Место хранения неизвестно

таких кубков, происходящих частью из Каневского района Киевской области, частью из Полтавской области, бывшие в собрании Зноско-Боровского, воспроизведены у

¹ «Изв. Болг. Арх. института», III (1925), рис. 18, стр. 121.

Ханенко¹; такие же кубки были найдены Бобринским в курганах 2, 9, 15², 183, 184, 185 и 247³. Они — характерный элемент скифской культуры, как и вся лощенная керамика, вначале с рифлеными или пластическими украшениями поверхности, а затем с инкрустированными белой массой геометрическими узорами. Она была распространена на всем пространстве центральной и восточной Европы и является «третьим элементом» скифских зольников по терминологии А. А. Потапова⁴; одним из вариантов этой керамики является и так наз. гальштатская керамика.

Таким образом, греческий вклад в создание сосуда с охотой из Солохи сводится к ветке плюща, плетенке и орнаменту на донышке; он очень незначителен в сравнении со всеми остальными, не-греческими элементами. Следовательно, необходимость поиска происхождения торовитки Северного Черноморья в Малой Азии или даже в Аттике, мне кажется, отпадает. Одновременно уточняется и датировка чертомлыцкой вазы: я считаю, что ее следует датировать 361—353 гг. до н. э.

Фракийские племена специализировались на добыче золота и серебра настолько, что и за пределами своей страны их представители эксплуатировали рудники. У фракийца Сосия в рудниках Лавриона было 1000 рабов (К с е н о ф о н т, О доходах, IV, 14, 15). Золотые рудники Македонии и Фракии пользовались особенной славой, так как после истощения Лидии они были для Греции единственным источником золота, а Македония долго была также единственным источником серебра, так как во времена Геродота Лаврион еще не приобрел известности. Без сомнения, значительная часть металлов, добывавшихся в Пангее и Дизорских горах, обрабатывалась на месте. Широко развитое уже в VI в. монетное дело в этих местах добычи металлов подтверждает наличие здесь местных мастеров⁵.

Такой местной продукцией являются драхмы, которые чеканил Писистрат в Пангейской области из серебра пангейских рудников во время своего изгнания в 556 г. (рис. 36). Штамп этих монет отличается от штампа афинских монет (рис. 37) не только формой Θ в виде розетки и из точек. Свообразный стиль изображения головы Афины, можно объяснить только тем, что штамп по образцу афинских тетрадрахм изготовлен местным мастером, применявшим свое искусство для штампов фракийских монет. Безусловно, это не был грек, а, очевидно, фракиец, так как греку трудно приписать осмысление Θ как розетки.

Уже финикийцы водворились во Фракии и стали разрабатывать там рудники Н е г., VI, 47); едва ли они проникли сюда мирным способом. В дальнейшем вся история V в. наполнена попытками захвата области фракийских рудников Пангея и Стримона чужеземцами. Эти попытки, однако, встречали энергичное сопротивление со стороны фракийских племен. Фракийцы ревностно оберегали свою независимость и энергично противодействовали натиску греков, к которым они были настроены особенно враждебно, более враждебно, чем к персам (например, из уважения к пути, по которому шел Ксеркс, они не разрушали и не засевали его). Филипп II, включив рудники Фракии в пределы своего государства, положил конец притязаниям на этот лакомый кусок.

В таких условиях представляется невероятным, чтобы для изготовления штампов своих монет фракийцы прибегали к услугам греческих мастеров, тем более, что о развитии золотых и серебряных дел мастерстве у фракийцев свидетельствует сообщение

¹ Собрание Б. И. и В. И. Х а н е н к о, «Древности Приднепровья», вып. III, Киев, 1900, табл. XLII, № 2.

² «Смела», I, табл. XIII, 2, 3 и XV, 2.

³ Там же, II, табл. VII, 17, 18, 20, 25.

⁴ А. П о т а п о в, *Inkrustierte Keramik von Belsk*, ESA, IV, 165.

⁵ Большой материал, из которого явствует, что обработка металлов была распространена преимущественно за пределами собственно Греции, собран Р. В. Ш м и д т в ее работе «Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции», ГАИМК, вып. 108 (1935), стр. 222—342.

Рис. 35. Серебряные монеты Патрая. Увеличены.

Рис. 36. Пангейская монета Пизистрата около 550 г.
Серебро. Увеличена

Геродота, что на пути следования Ксеркса от Дориска до Аканфа города Фракии должны были содержать его войско, причем для пиршества царя и его свиты изготовлялись из золота и серебра чаши, кувшины и всякая другая утварь.

По словам Фукидида (II, 97), царь одрисов Севт увеличил свои доходы до наивысшей цифры, почти в 400 талантов золотом и серебром; не меньше приносилось и даров из золота и серебра не только самому Севту, но и подчиненным ему правителям, а также знатным одрисам. Уступая царству скифов только количеством войска, царство одрисов стало в Европе самым могущественным *χρημάτων πρὸς ὄψιν καὶ τῇ ἄλλῃ εὐδαμονίᾳ*. Очевидно, под *δῶρα χρυσοῦ τε καὶ ἀργύρου* следует подразумевать из-

делия из золота и серебра, а не монеты или слитки, так как функция ценности была в древности более свойственна драгоценной утвари, чем в новое время.

Особенно искусным в металлургии было фракийское племя бессов, знаменитых бродячих кузнецов¹. Погодин допускает, что их изделия могли проникать и на север, учитывая частые сношения фракийцев со скифами, кельтами и другими племенами, и что «археологическим путем можно было бы проследить, как далеко заходили изделия бессов». Акад. Державин² отмечает, что и в настоящее время в районе г. Неврокопа в Болгарии сохранились залежи золота и серебра, известные в древности и обусловившие занятия как современного населения Неврокона, так и фракийцев-горняков, специализировавшихся на промывке золота.

Рис. 37. Афинская монета Пизистрата

Ди, независимое фракийское племя на Родопе, славились изготовлением мечей (фракийский термин *скалди*), которыми вооружены были все фракийцы (Thuc., II, 96, — *μαχίροφροι*). Фракийцы были изобретателями кривой сабли (Климент Александрийский, Stromata, I, 307), которую, вероятно, также изготовляли сами, равно как и употребляемые ими копья, дротики, кинжалы, шлемы, щиты и панцири.

Принимая во внимание изложенное, полагаю, что мы имеем право поставить вопрос о фракийском происхождении значительной части шедевров торевтики, найденных в скифских курганах Северного Причерноморья, происхождение которых приписывалось ранее творчеству греков.

Существует мнение о боспорском происхождении шедевров торевтики в скифских курганах, но уже Бертье-Делагард в статье «Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене», указывал, что «всеми утверждаемое чрезвычайное обилие золота на севере Черного моря и в особенности на Боспоре никем не доказано и не обосновано»³.

Золотые предметы в погребениях не являются показателями обилия золота в Северном Причерноморье. По крайней мере, когда Филипп II одержал победу над скифами в 339 г., то среди трофеев оказалось 20 тысяч женщин и детей, скот и всякое имущество, тогда как золото и серебро совершенно отсутствовали, чем и была засвидетельствована бедность скифов, по заключению древнего автора (Iust., IX, 1, 9). В то же время известно, что Траян, захвативший обильные золотом области Дакии и сокровища Дедебала, при помощи дакийского золота реставрировал финансы Римской империи. Все сказанное не исключает существования местной торевтики в Северном Причерноморье, в частности в Пантикапее, а лишь ограничивает ее масштабы.

Важность вопроса о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов вполне понятна, так как изложенное позволяет несколько иначе представить взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья и уяснить вопрос о единстве культуры этих районов, сыгравших важнейшую роль в этногенезе славян.

А. П. Манцевич

¹ А. Л. Погодин, ук. соч., стр. 138.

² Н. С. Державин, цит. соч., стр. 54.

³ «Нумизматический сборник», I, М., 1911, стр. 5.